

С-77

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

---

К. Б. СТАРКОВА

ПАМЯТНИКИ КУМРАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ  
(К исследованию идеологии кумранской общины )

Специальность № 10.676. Семитские языки

А в т о р е ф е р а т  
диссертации на соискание ученой степени  
доктора филологических наук

Ленинград  
1971

Работа выполнена при Ленинградском отделении Института востоковедения Академии наук СССР.

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор Юрий Николаевич Завадовский; доктор исторических наук, профессор Михаил Александрович Коростовцев; доктор филологических наук, профессор Никита Александрович Мецкерский.

Автореферат разослан . 15.септ. 1974г. .

Основные положения диссертации и включенные в нее материалы опубликованы в следующих работах:

1. Рукописи из окрестностей Мертвого моря. Вестник древней истории, 1956, № 1.
2. Новая литература о рукописях из окрестностей Мертвого моря. Вестник древней истории, 1958, № 1.
3. "Устав для всего общества Израиля в конечные дни". Палестинский Сборник, вып. 4, 1959.
4. Дополнения к "Уставу" кумранской общины. Палестинский Сборник, вып. 5, 1960.
5. Рец.: И.Д.Амусин. Рукописи Мертвого моря. Вестник древней истории, 1961, № 3.
6. Очерк о Кумране. (Рец.: Г.М.Лившиц. Кумранские рукописи и их историческое значение.). Вестник древней истории, 1961, № 4.
7. К вопросу о происхождении названия "Сыны Садока" в кумранских текстах. Краткие сообщения Института народов Азии, 86, 1965.
8. "Устав" кумранской общины. Хрестоматия по истории древней Греции. М., 1964.
9. Кумранские "Гимны". Хрестоматия по истории древней Греции. М., 1964.
10. Календарь Кумрана и Дамаск. Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Л., 1969.
11. Учение о царе в кумранской общине. Всесоюзная сессия по Древнему Востоку. Тезисы докладов. Тбилиси, 1971.

Находятся в печати:

12. Тексты Кумрана, ч.П. М., Издательство "Наука".
13. Памятники кумранской литературы. Палестинский сборник, вып. 24. (Монография).
14. Шифрованный астрологический документ из окрестностей Хирбет-Кумрана. Палестинский Сборник, вып. 25.

Предлагаемое исследование состоит из предисловия, введения и четырех глав, общим объемом около 17 печ. лл. К нему приложена библиография, включающая 483 названия. Главы: 1 - Влияние Второзакония на кумранскую литературу; 2 - Праведный Наставник в освещении источников; 3 - Участие Праведного Наставника в создании кумранской литературы; 4 - Община и общество - ставят целью показать развитие и обоснование основных аспектов идеологии кумранской общины, насколько она отражена в дошедших до нас источниках, проследить связь последних с запросами того общества, из которого выделилась организация, населявшая некогда Хирбет-Кумран. Исследование памятников производится средствами филологического анализа с привлечением всех основных опубликованных до 1968 г. источников, соответственно серии "Discoveries of the Judaean Desert", tt. I-IV (Oxford, 1956-1967) с учетом предварительных публикаций и исследований.

По содержанию, идейному направлению, по своему отношению к внешнему миру памятники еврейской литературы, открытые в 1947 г. на сев.-зап. побережье Мертвого моря, рядом с городищем Хирбет-Кумран, по мнению большинства исследователей, примыкают к литературе ессеев, или прямо представляют эту группу иудейского общества, сведениям о которой более всего мы обязаны еврейскому историку Иосифу Флавию, участнику восстания против римлян 66-71 гг. н.э.

Не удивительно, что литература Кумрана, представившая ряд недостающих звеньев в цепи, связывающей христианское учение с иудаизмом, вызвало и продолжает вызывать глубокий интерес современников.

Первые этапы изучения озаглавлены сильнейшей разногласием мнений относительно определения немногих действующих лиц этих произведений, их эпохи и исторической среды, которая их

окружает. Причина для этого заложена в самих источниках, в неясности, иногда двусмысленности выражений, которые употребляются в случаях, когда автор должен коснуться конкретных исторических событий, которыми богата история Палестины II в. до н.э. — I в. н.э. Авторы не интересовали исторические события сами по себе. Социальная история воспринималась ими как история религиозно-этических отношений Бога к избранному им народу. Процесс развития мировой истории понимается как непрерывная борьба между силами добра и зла, между Богом и подчиненным ему, но временно занявшим мир Велиалом. В этой борьбе каждый индивидуум занимает свое место в лагере праведных или в лагере нечестивых. Основы этого мировоззрения коренятся, как известно, в Библии. При такой расстановке сил даже конкретные отношения антагонистов приобретают маскировку. Покров неясности усиливается, если лексика и фразеология описания насыщены элементами, целиком и частично заимствованными из канонизированных писаний, где реальное содержание с трудом отделяется от словесной оболочки. Наконец, прямые интересы явно оппозиционной господствующему строю группировки вынуждают пишущего маскировать свои мысли так, чтобы они были понятны единомышленнику, но не могли служить уликой представителю враждебного лагеря. Причина и характер зашифрованности сочинений соответствуют общему духу апокрифо-апокалиптической литературы своего времени. Нужно учесть, что в кумранской библиотеке встречаются сочинения, шифрованные в прямом значении слова.

Острота полемики, развернувшейся вокруг гипотезы отождествления или сближения главного положительного героя нескольких кумранских сочинений *Mo'et Sedeq* — Праведного Наставника — с фигурой Иисуса Христа объясняется тем, что здесь отразилась борьба современных идеологических течений. Представители материалистического мировоззрения, тем более деятели антирелигиозной пропаганды, приветствовали теорию, разбивающую, по их мнению, религиозные предрассудки тем, что в ее свете личность Христа теряет исключительность, приобретает характер копии, литературной традиции, бытующей в однородной этнической, культурной и конфессиональной среде. Опровержение гипотезы учеными, оберегающими интересы религии, делало подозрительными самые их доводы. Нельзя сомневаться в добросовестности переводчиков и интерпретаторов текстов, но нельзя отрицать и того, что во многих случаях к ним подходили с предрасположением объяснить недостаточно ясные факты, разместив их в хорошо известную, заранее готовую схему, на-

пример, евангельского повествования. Таким же образом положения раввинского или караимского иудаизма сопоставлялись по чисто внешним признакам с явно обособленными формами кумранского движения, все с тем же стремлением поставить известное на место неизученного и тем привести к желаемому единообразию истории идейных течений внутри иудаизма.

Подобному подходу к новому для науки материалу объективно способствовали особенности языка и письменности текста, а главное, постигшие его разрушения. Благоприятным фактором оказалось и то обстоятельство, что в момент открытия свитков вряд ли в мире имелось столько гебраистов со специальным образованием, сколько оказалось вслед за тем кумрановедов. Неудивительно, что средства филологического анализа использовались недостаточно. Теологическое направление в исследованиях и сейчас оказывается преобладающим.

Именно недостатком филологической базы объясняется стремление многих исследователей привлекать для ключевого слова, образующего опору для системы толкований данного места, приводящих к нужной концепции, побочное значение, возникающее в контексте в строго определенных условиях, которые в настоящем случае отсутствуют, или вообще отвергать контекст и вносить в него "исправления". Так обстояло дело с переводом и комментированием слов: *'amad* — (стоять, наставлять), *tōkhēhāh* (обличение, взыскание, кара), *'emūnāh* (вера, доверие, верность), *hōdī<sup>a</sup>* (возвращать, извещать, сообщать, научить), на использовании которых в основе строилась теория мессианского характера фигуры "Праведного Наставника".

Неправильное истолкование названных выше терминов *'amad*, *tōkhēhāh*, *'emūnāh*, приведшее некоторых исследователей к неверному пониманию значения личности и деятельности Праведного Наставника в глазах его последователей неоднократно отмечалось в работах, посвященных Кумрану. Большое внимание этим терминам уделил Г.Иереммас в монографии, исследующей роль Праведного Наставника. Настоящая работа также содержит анализ и толкование этих слов с учетом полного контекста, с тем чтобы представить систематическое обозрение даже тому читателю, кто не знает или слабо знаком с языком оригинала.

Глагол *'amad* — "стоять", "останавливаться", "становиться" — встречается в спрягаемых и именных формах свыше 60 раз в

свитках из I-ой Пещеры, и около 40 случаев фиксировано для производного от него имени существительного *ma'amaḏ* (*ma'maḏ*). Словоупотребление сходно со словоупотреблением языка Библии в послевоенный период. В значительном числе случаев глагол сохраняет свое прямое значение, что показано на многих примерах, взятых из кумранских текстов, особенно из "Войны Сынов Света" (1QM), где речь идет о воинских построениях. Автор диссертации уделяет специальное внимание обороту применения инфинитива с местоименным суффиксом в значении дополнительного придаточного предложения, где инфинитив может выражать не только место или образ действия, но и то и другое вместе (пример CD XI,1). С прямым значением глагола тесно связано переносное: "занимать место", "занимать должность", представляемое в текстах серией примеров.

Другое значение глагола *'amaḏ* соединяется семантически с понятием "быть стойким", "удерживаться" (на месте), откуда возникают значения: пребывать, пребывать постоянно, сопротивляться обстоятельствам, примеры чему встречаются чаще в поэтической речи ("Благодарственные Гимны", заключительная часть "Устава"); от значения "стоять" в смысле "пребывать", "длиться", развивается понятие "наставать", "появляться", которое особенно важно, т.к. именно оно способствовало созданию представления о воскресении Праведного Наставника, при толковании соответствующих оборотов как: "вставать из мертвых, из могилы". Все прослеженные тексты от библейских до евангельских, включая кумранские свитки, надгробные надписи и легенды эпохи эллинизма и средних веков, показывают, что последнее значение глагол приобретает лишь из контекста, в тех случаях, когда словооборот относит действие к мертвому телу или духу умершего. Во всех случаях употребления глагола *'amaḏ* применительно к Праведному Наставнику аналогии этому нет. Контекст утверждает значение "настать", "появиться", а не "воскреснуть". В этом значении глагол *'amaḏ* относится в "Дамасском Документе" к будущему князю "Израиля" (CD UP, 20-21), к некоему проклятому из людей Велиала в "Заветах" (4Q Testimonies), к "Отпрыску Давида", долженствующему явиться и возглавить общество (4Q Florilegium, стк. II-12); к первосвященнику Садоку в прошлом (CD Y, 4-5) и к отрицательному персонажу, названному в тексте "Глумителем" (CD I, 14). В том же значении глагол употребляется в 4-ой строке "Толкования на Наума" (4Qp

Nahum), где контекст явно обозначает реально-историческую, а не эсхатологическую обстановку.

Учение о бессмертии души и воскресении из мертвых складывается на почве Иудеи в период между возникновением апокрифо-апокалиптической литературы и завершением Евангелия с примыкающими к нему писаниями, охватывая таким образом время существования кумранской общины. Вопрос заключается не в том, могли ли члены кумранской организации приписывать своему Наставнику сверхъестественные свойства, а в том, приписывали ли они их ему на самом деле. Наше исследование на этот вопрос отвечает отрицательно.

Тем же методом изучается словоупотребление существительных *tōkhēnāh*, *tōkhaḥat* - "обличение", "обвинение", "признание вины", "наставление", "урок". Исследование идет от языка Библии к языку кумранских текстов, в первую очередь занимаясь "Толкованием на Аввакума" (1Q p Hab) и приводит к заключению, что там, где видели свидетельство о мучении, истязании Праведного Наставника, напротив, он сам выступает как обличитель могущественного лица, уличаемого им в нарушении священного Закона. Если бы его поддерживали в это время люди определенной группировки ("Дом Авессалом"), скорее всего отражающей известную политическую ориентацию, выступление Наставника имело бы иной результат и он мог бы избежать гонений, о которых говорит текст в целом.

Наконец, анализ всех случаев употребления слова *'emūnāh* - "надежность", "верность", "честность", "доверие", "вера", показывает, что в двух случаях смысл текста иногда изменялся в желательную для исследователя сторону заменой написания *'mnt...* на *'mwnt...* (1Q p Hab, VIII, 1-3), изменив таким образом графику и значение термина *'amaḥāh* - "договор", "контракт", "обязательство". В кумранской орфографии преобладает, как известно, *scriptio plena*; *scriptio defectiva* встречается там, где это безразлично для смысла или выражает принятую форму слова, как в случае с *'mntm*, которое передает вариант текста сравнительно с масоретской версией кн. Аввакума. Причиной для этого послужило желание комментатора отнести слово к Праведному Наставнику. Его единомышленники посредством *'amaḥāh* договора, обязательства - и *'amal* (труда, тяжелого труда, напряжения) становятся союзниками, соучастниками возглавляемого им дела,

также как в отношении к Богу они связаны понятием 'berith ("Завет", "Сюз"). Термин 'amānāh в Библии встречается именно в поздних книгах, по языку наиболее близких к произведениям Кумрана. 'amānāh встречается еще два раза в "Дамасском Документе" (CDXX, II-12, XIII, 15-16), в первом случае как прямая параллель к berith (сюз, договор), во втором - в контексте, трактующем о деловых обязательствах члена общины. Перевод и толкование соответствующего места 1Qr Nab в цитатой из Кн. Аввакума II, 4: "а праведник своей верой будет жив", соответствует истолкованию данного места христианской теологией и методологически неверен применительно кумранскому тексту Кн. Аввакума и объяснений к ней, согласно тому, что мы знаем об идеологии кумранской общины на основе сохранившихся остатков ее литературы.

Приходя к заключению, что кумранская литература не содержит упоминаний об истязаниях и мученической смерти, преображении и воскресении Праведного Наставника, автор отнюдь не делает вывода, что Праведный Наставник вообще не испытывал страданий и трудности. Он имел широкие возможности для самоотвержения ради своих убеждений, как о том свидетельствуют источники. Отступление от норм господствующей в обществе идеологии у семитских народов издревле считалось преступлением. Примеров этого рода достаточно в Библии, ранне-христианской литературе и в сочинениях Иосифа Флавия.

Среди писаний библейского канона по степени воздействия, на формирование идеологии кумранской общины, выделяются Пятикнижие, т.е. "поздние пророки" и Псалмы. Среди этих произведений особое место занимает Второзаконие, найденные экземпляры которого стоят на первом месте по количеству (25 списков). Влияние Второзакония, как правило, отмечается в работах, посвященных Кумрану, но, насколько известно, никто не анализировал его детально, как источник, исходя из которого можно объяснить многие существенные черты, характеризующие кумранскую общину, ее правовое уложение вплоть до мелких подробностей быта. Объясняется это влияние прежде всего тем, что Второзаконие, по мнению ведущих библеистов XIX-XX вв., является проектом конституции в значительной части утопического характера, цель и назначение которой обновить на гуманных началах устройство еврейского общества и сделать его тем самым достойным божественного покровительства, обеспечивающего народу мир и благополучие на тысячи

праведных поколений. Особенно выделяется "Закон о царе" (Deut. XUI, 14-20), первая известная в истории Переднего Востока попытка сознательно ограничить царскую власть в интересах общества в целом, а также и, законы, защищающие интересы социально обездоленных: бедняка, вдовы и сироты, поселенца - мэтэка, раба и даже скотины. Правовые своды Кумрана, как Устав и Дамасский Документ, содержат прямое отражение этих законов. Положение о царе сказывается в некоторых важных принципах того идеала общественных отношений, к которому стремились члены общины.

За последнее десятилетие заметно уменьшилось количество ученых, считавших Mōtēh Sedeq - "Праведного Наставника" - эсхатологической фигурой. Совсем малочисленная группа ученых продолжавших считать его прообразом Иисуса Христа в земной и потусторонней жизни. Это объясняется появлением многочисленных новых материалов, которые дополнили первичные сведения о лексике, терминологии, литературном стиле и направлении идеологии памятников.

На основании филологического анализа опубликованных частей кумранской литературы, мы пришли к заключению, что глаголы dāb и uṭh еще не имеют в писаниях общины значения технического термина, относимого только к исследованию писания. С этим явлением мы связываем колебания в прозвище Праведного Наставника, наблюдаемые в кэмбриджских списках Дамасского Документа. Ко времени создания, записи и редактирования толкований (reḥarīm), разрабатывавшихся на основе принципов, созданных или развитых в силу, почетное прозвище приняло единую, закреплённую традицией форму. И в те времена, и много позднее она используется для обозначения авторитета в каноническом законодательстве, так же как, уже позднее, для ипостаси избавителя Израиля. Это доказывает, что Праведный Наставник действительно был окружен почитанием в кругу своих сторонников. Ему несомненно отводилась роль главного борца с силами зла, которые в реальных условиях его деятельности возглавляли Нечестивый Хрец и Лжец или Каплющий Ложью. Он направляет усилия своей группы "обратившихся" к главному средству распространения ее идеи - в область толкований священного писания, причем таким способом, что последнее само становится повседневным документом. Многочисленность и разнообразие "толкований" показывают, что Праведному Наставнику удалось создать целую школу, которая продолжала его дело после его смерти, (скорее всего естественной).

Он же, по нашему мнению, выступил в качестве поэта-резонера, предназначавшего свои произведения для воспитательно-пропагандистской цели. Если "толкования" маскируют конкретные события, то "гимны" просто избегают называть их. Словесная деятельность Праведного Наставника сама по себе достаточна для того, чтобы выделить его в новосоздаваемом обществе и чтобы сохранить его имя в поколениях, воспитанных его учениками.

Однако борьба и труды Праведного Наставника, как в объективной действительности, так и в восприятии членов кумранской общины, не являлись предметом трансцендентно-эсхатологических представлений. Он — освященный жрец, отрекшийся в силу своих убеждений от службы в Иерусалимском храме и стремящийся создать для себя и других новое духовное служение в коллективе до наступления лучших для "истинного Израиля" времен. Имеется ли в виду этот, длящийся пока эон или грядущий, нельзя сказать с определенностью, т.к. представление кумранцев о потустороннем мире для нас до сих пор неясно. Он — не пророк, тем более, не "Пророк", он — толкователь слов пророков, благодаря которому прошлое становится объяснением и предупреждением настоящему. Пророки были посредниками между Богом и Израилем, но времени существования общины их давно нет, но толкователь — посредник между пророком и своими современниками, и уже поэтому не может считаться превышающим пророков своим назначением. Он — не "Второй Моисей", но верный последователь Моисея, установившего истинный Завет с Богом, который должен быть обновлен в настоящем, подобно тому как Моисей возобновил Завет после Адама, Ноя, Авраама и Иакова. Он — избранник Бога, но избранниками являются и все члены общины, "обратившиеся" к Богу и отрекшиеся от Ветхаго. Это отречение от зла выражается не только в пассивном ожидании "конечных дней", но и в активной повседневной борьбе на стороне справедливости и в подготовке к будущей борьбе в широких масштабах, как показывают тексты "Войны Сынов Света" и "Дополнений к Уставу". Борьба Праведного Наставника с Нечестивым Жрецом, (которого мы отождествляем с Ионафаном или Симоном Макавеем), при всей ее важности для заинтересованных лиц, все же осталась локальным событием в истории секты и не носила оттенка трансцендентности. Достаточно полные произведения из I-ой Пещеры, не касающиеся истории общества, как "Устав", "Война Сынов Света", и "Благодарственные Гимны" не называют ни имени,

ни деятельности Праведного Наставника, хотя два из них ("Гимны" и "Устав"), по всей вероятности, содержат его произведения. Невозможно представить себе произведение христианской литературы, не опирающееся, хотя бы формальным образом, на имя и авторитет Христа. Переломным моментом для истории иудейского мессианизма является война 66-71 гг. с последствиями окончательного разгрома Иудейского государства. Личность Праведного Наставника обращена к возрождению иудейского народа еще в земных пределах.

Средневековые мессианские представления развиваются в общественной среде стран Ближнего Востока, где действовали все три монотеистические религии с их учением о загробном мире и конечном блаженстве или мучении, ожидающем праведных и нечестивых после прихода потусторонней личности — персонификации Христа для христианства, Махдия для мусульман-шиитов, Мессии с его предтечами для иудаизма. Все три фигуры являются носителями абсолютной справедливости и вершат конечные судьбы мира. Поэтому теологические идеи, основа которых заложена по крайней мере на столетие позже, трудно приложить целиком к кумранскому обществу, которое еще только вырабатывало подобную систему представлений, как свидетельствуют новооткрытые памятники литературы.

Перевод *mōreh* (המורה) *sedeq* сочетанием прилагательного с существительным основан на том, что эта форма лучше соответствует духу русского языка. Как известно, в русском языке в слове "правда" сочетаются понятия правды-истины и правды-справедливости, точно так же как в еврейском языке в слове *sedeq*. Прилагательное "праведный" включает в себе представление о высших этических нормах поведения и их проявлений в действии. "Праведный судия" может судить только справедливо и тем самым возвышается до понятия "праведника". "Праведный Наставник" должен указывать путь к правде и сам быть ее воплощением, иначе его прозвище теряет силу. Перевод "Учитель" или "Наставник праведности" формально ближе выражает грамматическую конструкцию, но обедняет ее смысловое значение.

Интересно то обстоятельство, что согласно библейской лексической традиции причастие — существительное *mōreh* преимущественно характеризует представителей жречества, священства.

Условное имя руководителя кумранской общины или организации, превратившейся впоследствии в общину, вполне соответствует назначению раскрыть ту роль, которую он в ней играл. До его

вступления в обязанности, люди, порвавшие (или желавшие порвать) с тем строем иудейского общества, который установился после победы Маккавеев, еще двадцать лет ощущали свой путь, как слепые (CD, I, 9-10). Если перевести метафору на обычный язык, они не имели определенной программы действий, не имели твердой организации, не имели устава, отражающего ее цели и задачи и средства их осуществления. Основу для всего этого им дал человек, вышедший из наиболее привилегированной для того времени группы общества - иерусалимского жречества, из рода потомков верховного жреца и государственного деятеля из ближайшего окружения Давида и Соломона. Вероятно он сочувствовал маккавейскому движению и находился в его рядах до поворотного пункта, когда вожди хасмонейского государства, добившись политической независимости, использовали победу в личных интересах, закрепив светскую и духовную власть за своим родом. Они не облегчили существенно положение земледельца и ремесленника в стране, разоренной оккупацией и освободительными войнами. Поведение сыновей и внуков Маттафии ясно показывало, что земное царство составляет настоящий предмет их попечения и что чаяния благочестивой группы их активных сторонников на первом этапе борьбы с иноземцами будут обмануты уже в силу многочисленных соглашений с государствами эллинской и римской цивилизации. Идеал, выдвинутый пророческой литературой в период независимости древнего государства и особенно разработанный в послепленный период, представлял благочестивого царя из рода Давида, руководимого первосвященником из рода Садока, оба должны осуществлять культовые и морально-этические требования, связанные с почитанием одного Махве. Несовместимо с историческими условиями полагать, что политические деятели типа Иуды, Ионафана или Симона Маккавея, только что получившие полноту власти и стремившиеся в дальнейшем к ее расширению, стали бы мириться с открытой пропагандой этих идей, тем более опасных, что они опирались на древнюю религиозно-политическую традицию, разделяемую притом большинством народа. При этих обстоятельствах, формирование общины естественным образом должно было направить Праведного Наставника и его приверженцев в эмиграцию. Они избрали местом изгнания Дамаск, страну и город издревле связанные с Палестиной караванным путем. Это давало возможность быстрой для того времени связи с оставшимися на родине единомышленниками и облегчало возможность следить за по-

литической ситуацией Иудеи. Открыто враждебное или настороженно-недоверчивое отношение хасмонейских правителей к селевкидской Сирии создавало благоприятные для эмигрантов возможности, чему могла бы поменать союзническая конвенция между государствами. Пример представляет деятельность апостола Павла (Савла) до обращения в христианство по препровождению на родину бежавших от преследования христиан. Деяния, IX, 1-2. Документом-обоснованием для выдачи их служило письмо первосвященника к властям Дамаска. По-видимому, местные власти поддерживали общину, утверждая ее приговоры, (CD IX, I, если правильно толкование этого места). Община Праведного Наставника с ним во главе должна была терпеть иноверное окружение как неизбежное зло, которое исчезнет в будущем. Борьба с окружающими народами должна была начаться из Иерусалима на втором этапе конечных времен (1Q M, I).

В Дамаске община не смогла бы сложиться в сильную и сплоченную организацию, если бы в ней не существовало твердой дисциплины, обеспечивавшей выполнение должных обязанностей со стороны каждого члена. Об ее силе и сплоченности говорит хотя бы длительность (около 200 лет) существования общины типа "монастырского типа", - что утверждается результатами раскопок городища Хирбет-Кумран. Из "Дамасского Документа" известно, что Праведный Наставник встретил здесь сопротивление в рядах самой организации. Какая то часть общества покинула его ряды. Причиной могли быть несогласия как в области вероучения, так и в распорядке жизни самой общины. Во всяком случае, организаторский талант руководителя и стойкость части его соратников помогло преодолеть это опасное препятствие.

В Дамаске община, в первую очередь ее руководство, сумела выработать ту идеологическую основу, которая дала ей возможность пресуществовать свыше двухсот лет.

Неизвестно, на каких началах Праведный Наставник или его преемники получили возможность не только вернуться в Иудею, но и создать на окраине страны свое поселение с капитальными постройками и сооружениями и прочной хозяйственной базой, административным управлением и просветительно-пропагандистским центром.

Было бы наивно думать, что кумранцы могли занять свое местожительство самовольно и нелегально при любой системе управления Иудеей. В виде чистого предположения можно высказать догад-

ку, что причина легального существования оппозиционной правительству группы лежала в ее особенностях колонии, состоящей из одних взрослых мужчин, целиком разделяющих идеологию воинствующего иудаизма и расположенную на юго-восточной границе государства на стыке пустыни, побережья Соленого моря и обширного оазиса субтропической зоны, каким является район Мерикона. Другие стороны своей идеологии кумранцы тщательно маскировали условными образами и выражениями.

Суждение о возможной поэтической деятельности Праведного Наставника, в частности о создании им основного ядра сборника "Благодарственных Гимнов" (1QH) основывается на филологическом и литературоведческом анализе поэтических произведений из окрестностей Хирбет-Кумрана. Наблюдения за стилем и поэтическими приемами помогают склониться к мнению тех ученых, кто признает единого автора для основной части сборника. Те немногие сведения, которые сообщает о себе автор гимнов совпадают по содержанию с тем немногим, что известно из источников о Праведном Наставнике. Сравнение "Благодарственных Гимнов" с заключительной частью "Устава" обнаруживает весьма сходные черты в этих стихотворных произведениях.

Сравнительное изучение загадочных гимнов 1QH II, 3-18 ("Мать Избавителя и мать Аспиды") и IX, 1-16 ("Притча о деревьях") показывает, что оба гимна поддаются расшифровке как поэтическое выражение скрытой политической программы, в силу которой члены общины надеялись в будущем восстановить власть царя из Дома Давида, который будет править, подчиняясь руководству Иеремии и законоучителей, толкующих Пятикнижие в духе идеологии общины. В условиях правления Хасмонеев или римской оккупации эти идеи могли развиваться только в зашифрованном виде, понятном лишь избранному читателю. Чисто религиозно-этическое лирика, напротив, проста и понятна и также излагает основные черты идеологии общины. Эсхатологические высказывания "Гимнов" совпадают в основе со взглядом на будущее судьбы мира, прослеживаемым в апокрифах и псевдоэпиграфах иудеев в ранний период развития этой литературы.

Обзор языковых явлений, в частности экскурс, изучающий употребление предлога совместности 'im приводит нас к заключению, что язык памятников соответствует позднему послепещному периоду языка библейских памятников, иногда утрируя особенности

последнего. Лексика и синтаксис кумранских памятников ближе всего книгам Эзры и Неемии, Хроник и к редакторской обработке Пятикнижия.

Если сближение Праведного Наставника с Мессией-Христом за последнее десятилетие находило все меньше последователей, то заметно выступает вперед тенденция отождествлять кумранскую общину с церковью, в первую очередь с ранне-христианской, с общиной первых христиан. Более осторожно сопоставление проводится через символику храма, отыскиваемую в памятниках кумранской литературы, как отражение той идеи, что община в целом представляет духовный храм, долженствующий заменить оскверненное святилище в Иерусалиме. При этом ученые признают, что прямой параллели к подобной символике храма в иудаизме нет. Попытка найти ее в кн. Даниила, как известно, не увенчалась успехом. Вся концепция в целом, также как в случае с Праведным Наставником, укладывается в рамки христианских представлений о церкви - общине верующих: христиане - истинный храм Бога, согласно учению ап. Павла. Самая идея общинного устройства жизни в исследованиях этого направления связывается с чисто теологическими воззрениями; антропология и эклисиология приводят человека к *vita communis* есеейской общины, т.е. только там можно исполнять требования Торы: вне церкви нет спасения. Подобный подход к историческим явлениям уводит в сторону от реальности общественной жизни с ее интересами в область одних эсхатологических чаяний. Неудивительно поэтому, что даже достаточно ясные показания источников относительно желаемого устройства жизни "Израиля", которое должно в дальнейшем распространиться на весь иудейский народ, примкнувший к "обращенным", рассматривается в сфере эсхатологии, при этом связывается с такими формами эсхатологических представлений, существование которых у кумранцев не устанавливается на основе источников. Всякое упоминание будущего при этой системе относится непременно к эсхатологическому будущему, т.е. к событиям, возвевающим или сопровождающим "конец мира". За последние десятилетия наметилась явная тенденция, в силу которой учение о конце мира, гибели вселенной в разгуде стихий и возрождение в новом виде отождествляется со всеми аспектами поисков лучшего будущего в иудаизме. Любая идеализация государственного устройства в будущем в библейской и побиблейской литературе рассматривается как атрибут эсхатологии.

Как пример можно указать, что необычайно яркое по социальной окраске движение древней Иудеи, выразившееся в обличительных выступлениях т.н. "пророков", в первую очередь Амоса, Михея, Исайи и Иеремии воспринимается как идеология почти всецело заполненная эсхатологическим содержанием. Тем более эта точка зрения применима к апокалиптической литературе, где и содержание и форма предоставляют, как кажется, полную монополию толкования именно такого направления.

Надо отметить, что история апокалиптической литературы иудеев ясно показывает эволюцию эсхатологической мысли. В ранних памятниках кончина мира и конечный суд есть непосредственно дело самого *Махве*. В этих произведениях Мессия сохраняет свое человеческое обличье и свое политическое назначение — он будущий законный царь из рода Давида, избавитель от порабощения и защитник еврейского народа. Страшный Суд также сохраняет характер земного возмездия окружающим Иудеев враждебным народам, после чего рассеянные по земле племена еврейского народа соберутся на родину и заживут там мирной и благополучной жизнью, после того, как будут — искоренены нарушители закона из их собственной среды. Эти идеи свойственны раннему периоду иудейской литературы эллинистического периода — 2-ой пол. III в. — 1-ой пол. II в. до н.э. На этой же ступени находятся кумранские представления о будущем. Это отчетливо видно из самих памятников, если интерпретация не навязывает им содержания, извлеченного из идейного багажа позднейшей эпохи, когда военно-бюрократическая власть римской империи сломала в значительной части население Иудеи надежду на победное восстановление древнего государственного порядка естественным путем. Тогда, как известно, осуществление этих надежд целиком перешло в сферу религиозных представлений.

Обращение к земным интересам и расчетам иудейского общества того времени зачастую помогает понять смысл и назначение казалось бы таинственного "эсхатологического" видения, вдобавок дошедшего до нас в поврежденном повествовании без начала и конца. Мы приводим здесь один пример.

Таинственная фигура Мельхиседека из фрагмента свитка из II-ой пещеры выступает в более ясном свете, если поставить вопрос о том, какую политическую идею она представляет, чему, насколько известно, не уделялось достаточно внимания. Мельхисе-

дек — лицо, упоминаемое в XIV гл. Кн. Бытия, в Пс. 110 в Библии и в Послании к Евреям в новозаветной литературе — по древнему ханаанскому преданию, использованному в Кн. Бытия, царь-жрец, при этом, по позднейшему истолкованию подлинного названия города Шалем (Салим), царствует в Иерусалиме во времена, задолго предшествующие воцарению Давида. Он удостоен чести благословить родоначальника еврейского народа — Авраама и получить от него десятину "от всего", т.е. от всей отбитой у врага добычи. Десятину, как известно, получали жрецы в пользу храма с сельскохозяйственной продукции. Естественно, сочетание в правителе царя и духовного лица в сознании людей позднейшей эпохи ассоциировалось не с древним институтом соединения сакральных обязанностей с царской властью, свойственных в древности не одним семитским народам, но с тем фактом, что Мельхиседек, царь Иерусалима, в силу того, что он царствует в священном городе является представителем *Махве*. Идея царствования самого *Махве* над своим народом — одна из тех идей, которые особенно охотно развивает пророческая литература и сменявшая ее апокалиптика, особенно в эпоху селевкидских преследований. Официальное объединение власти царя и жреца в одних руках в истории еврейского народа осуществилось лишь при династии Хасмонеев, и лишь тогда вопрос о правомочности такого порядка вещей должен был иметь действительно принципиальное значение, особенно при стойком сохранении традиции признания законными царями Иудеи лишь представителей рода Давида, к которым Хасмонеи не могли относить себя, как чистокровные потомки жреческой династии. Идеологи кумранской общины, исходящие из теории предопределенной Богом закономерности исторических событий, не могли пройти мимо факта, имеющего столь важное практическое значение, в особенности для оппозиционных хасмонеям группировок. Признавая богоизбранной лишь династию Давида и ожидая, как видно из ряда текстов, упоминающих о *šemaḥ Dawid* ("Отпрыск Давида"), появления владыки из этого рода, они в то же время должны были приспосабливаться к существующему положению вещей, следовательно согласовывать его с планом мироздания. Поэтому-то и не кажется случайным и странным упоминание личности Мельхиседека в контексте, толкуемом об особом, торжественном, с участием небесных сил, провозглашении юбилея года "Шемитта", т.е. перелога, когда каждый участок земли снова отойдет его законному первоначальному вла-

дельцу. Как и в древности, когда Давид занял престол, принадлежавший потомкам Мельхиседека, так и ныне царь-жрец будет замещен царем-вождем, не жрецом, но руководимым *ḏōrēš ha-tōrāh*, "Толкователем" или "Домогающим Законом", носителем жреческого сана. В то же время задача Мельхиседека — отомстить Велиалу (*11Q Melch. стк. 13*) за законы Бога. Этим он оправдывает временное владение землей, принадлежащей прежде всего Богу. Здесь можно видеть признание заслуги Хасмонеев в освободительной войне против селевкидов. Текст, построенный на политически щекотливом эпизоде древней легенды, в избытке снабжен атрибуциями, окружающими его таинственностью и тем маскирующими его злободневный характер. Через 100-200 лет легенда о Мельхиседеке утратила свой жизненный интерес, связанные с ней представления утратили предметность, и сопоставление Христа с Мельхиседеком имеет чисто теологический характер, перенося на первого черты царя уже Небесного Иерусалима. Самое сравнение указывает на популярность предания, способного разъяснить характер отношения к тому, на кого перенесены черты Мельхиседека.

Пробным камнем теологии Завета, по замечанию А. Жюбер, является отношение к иноземцам, которое рождено сознанием избранничества Израиля. Отношение это в эпоху эллинизма колеблется от уверенности в милосердии Бога ко всем людям вообще как к своим собственным созданиям до идеализации "священной войны". В кумранской литературе последний мотив несомненно преобладает, но можно отметить и наличие стремления к более объективной оценке взаимоотношений между народами. За чужеземцами признается способность уважать право и справедливость, по крайней мере, теоретически. На практике же все народы одинаково нарушают справедливость, не исключая Израиля. Об этом свидетельствует фрагмент сочинения из I-ой пещеры, получивший условное название отрывка из "Кн. Тайн" (*1Q Myst*). В переводе важная часть текста имеет след. вид: "(...?) И знание наполнит землю, и глупости там нету навсегда! (8) И слово то готово наступить и пророчество то — истина! И ведь будет вам известно, что (оно) не отступит вспять! Ведь все (9) народы ненавидят лукавство, — с общей их помощью оно расходуется! Ведь из уст всех племен слышат истину (10), — есть ли речь и язык держащиеся ее? Какой народ хотел бы, чтоб его притеснял сильнейший? Кто (11) захочет, чтоб его добро грабили нечестием? Какой народ не притеснял такого же как

сам? Где племя, что не грабило добра у другого..." Разрушенные остатки 2-ой колонки показывают, что и там речь идет о расчетах между добром и злом с привлечением внимания к отношениям с другими народами.

В идеологии Кумрана светский характер освободительной войны целиком покрывается религиозной идеей, источником которой является Второзаконие (*XI, 25*). Всемирное господство язычников в иудаизме рассматривалось как наказание от Иахве, посылаемое иудеям за грехи, и таким образом обусловлено их собственным поведением. Распад прежнего мирового порядка, восточной деспотии, откликом на что является, как известно, Кн. Даниила, открываемый ею ряд апокалиптических произведений, обещает наступление царства божия либо в потустороннем мире, либо еще здесь, на земле. В кумранской литературе обе эти линии сходятся. Реально начало мирового катаклизма осмыслялось как начало войны с иноземным врагом и с нечестивцами, содействующими ему. К мысли о неизбежности и абсолютности этой войны, каждый член организации был подготовлен "Учением о Двух Духах". (*1QS III-IV, 1QH IX, XIV, XVP*) и произведениями, построенными на этой основе, в первую очередь "Войной Сынов Света" (*1QM*). Кроме главного врага, кит-теев, война, расширяясь по этапам, захватывает ближайшие к Иудее территории, населенные их союзниками. Война должна иметь религиозно-патристическую цель "очистить Землю", очистить почву" (*1QS III, 6-7, 10*). Эти чаяния должны были разделяться основной массой иудейского населения Палестины и диаспоры. Понятие "очищения" включало также требование освободиться и от социальной неправды, которая поддерживалась многочисленными градациями внутри класса свободных. Наглядно картину этого представляет Евангелие, в поле зрения повествования которого находятся рабы и господа, крестьяне, ремесленники, рыбаки, торговцы, сборщики налогов, ростовщики, спекулянты, зерном, владельцы имений и их управляющие, жреческая аристократия и низший персонал храма, администрация оккупантов и местные чиновники — целый мир человеческих отношений (*Hengel, Judentum u. Hellenismus, Tübingen, 1969, стр. 106-107*). Проблема имущественного и сословного неравенства и связанной с этим коррупции административных и юридических органов в кумранской организации решалась уравнением имущественных отношений и провозглашением бедности и аскезы принципом жизни. Этот принцип отражен не только в "Уставе"

общины, требовавшем общности имущества, труда и совета (1QS I, VII), но и в тенденции считать имущество "богатство" (hōh, sham-ḥōn) — одной из сетей Велиала", т.е. орудием вовлечения в нечестие (CD I, 14-15), а бедняка, нищего, смиренного считать положительным элементом общества. В астрологическом документе (4Q Sturp) в гороскопе лица, наделенного 9-ю долями из 12 возможных положительных качеств указывается: "будет бедняком", как благоприятное для субъекта предсказание. Если учесть, что в иудейской среде идеи полного аскетизма никогда не пользовались общим признанием, отношение к бедности подчеркивает осуждение богатства, нарушающего справедливость и потому неугодного Богу. В этих условиях самоназвание группы uḥad — "община", "общность" трудно считать одной лишь уловкой благочестия, желающей подчеркнуть братство только по религии, как думают некоторые ученые на Западе. Действительно, община следует пророческой и девертонической проповеди, представляя бедняка находящимся под божественным покровительством. Одно из сочинений, т.н. "Слова Моисея" повторяет заповеди Второзакония о помощи беднякам, (1Q DM III, 1-10). О значении бедности говорит также "Толкование на XXXVII Псалом".

К понятию бедности имуществом присоединяется понятие бедности духа, т.е. простоты, неучености, противоположно учености, давно ставшей к этому времени способом извлечения прибыли за счет недостаточно образованных в вопросах канонического права и догматов, куда относился прежде всего простой народ, занятый физическим трудом. Peti — "простак", "безхитростный", даже "слабоумный" фигурирует, как известно, в качестве одного из самоназваний членов общины. Термин является откликом на узаконенное название ḥakhamīm ("мудрецы", "ученые") для ортодоксальных правоведов, нелюбовь к которым уже утверждалась в среде простого народа.

Лагерь бедняков антагонисты не только богатые и ученые, но и знатные, облеченные властью, как об этом свидетельствует "Толкование на 37-ой Псалом" (4Qp Ps 37) стк. 24-26, где, по нашему мнению, переводчики совершенно напрасно заменяют отчетливо написанное слово ḥōšīm "начальники" — ḡe'ā'īm "нечестивые". Не говоря уже о тенденциозности подмены, заменяющей термин, относящийся к социальной категории, безличным этическим термином,

подобный комментарий разрушает игру словами "ḡōšīm weḡe'ā'īm — "начальники и вожди" или "главы и князья", при восприятии на слух это может означать также "отрава и отступники", т.е. в звучании слов скрыто уже осудительное значение. О любви кумранских писателей к использованию двойных и тройных омонимов, к наращиванию их с помощью легких отклонений в графике свидетельствует ряд дошедших до нас текстов.

Руководящие круги Иудеи на языке членов общины это "глушители, которые в Иерусалиме"; "те, кто презрели Тору и слово Святого Израиля" (т.е. Бога, 4Qp Jev 13-14). Яркое отрицательное изображение правителя зашифрованного прозвищем "Яростный лев" дается в хорошо известном "Толковании на Наума" (4Qp Nahum).

Несмотря на отрывочность дошедшей до нас кумранской литературы, мы можем прийти к заключению, что идеология общины является прямым откликом на острейшие нужды того общества, в среде которого она возникла. Мы разделяем мнение Хенгеля о том, что движение благочестивых, разрывающих связь с официальным культом лучше всего объясняется глубоким внутренним кризисом, который переживает теократическое государство в период эллинизации Востока. Специфически религиозная ориентировка кумранской общины не может затуманить ее связи с народным движением, в недрах которого она родилась, будучи порождением хасидейских отрядов маккавейских войск и поддерживавшей их среды. На первый план выступает здесь требование независимости родной страны, которая должна процветать в обстановке правды и справедливости, гарантированными гармоническим сочетанием духовной и светской власти, при самом строгом исполнении закона. Вся система воззрений и способов их выражения говорит о воспитательной цели этой литературы, сознательно поставившей себе задачу подготовить общество к принятию своих идеалов. Иными словами, кумранская организация является центром пропаганды тех идей, которые подготовили почву для упорной и тяжелой борьбы с завоевателями, которыми в процессе смены исторических событий и переживших их поколений оказались уже римляне, на которых переходит то же название киттиев. Скриптории общины служили местом создания и распространения литературы, проникавшей в более широкие круги иудейского общества, значительная масса которого должна была сочувствовать стремлениям членов общины.

С нашей точки зрения, не имеет большого смысла спор о возможности отнести кумранцев к zealotам или сикариям антиримского восстания. Вся их идеология образовывала фермент, который в течение многих поколений в Палестине и за ее пределами, возбуждал сознание неизбежности войны всемирного (по понятиям того времени) масштаба с признанием заслуги того, кто примет в ней активное участие и готовит себя для этого. Авторы этого учения предусмотрели даже перемену успеха борьбы с Велиалом на начальных стадиях, что предотвращало возможно разочарование при неудачах в ходе восстания, неизбежных, учитывая реальную силу оружия киттиев.

Проповедь войны с киттиями и их сателлитами внутри иудейского народа уже заранее предполагала сочетание национальной войны с войной гражданской, что как известно, явилось характерным признаком освободительной войны 66-71 гг. Участие неверных и грешников должно стать полное истребление, избиение, в кумранских документах его срок называется "день избиения" (IQH XVI, 17). В рамки этих представлений укладываются и действия и мировоззрение zealotов ("ревнителей") и сикариев ("кинжальщиков"), уничтожавших противников и пассивных в рядах самих повстанцев. Сами кумранцы, на основе своей идеологии, должны были сочувствовать восстанию и могли, единично или группами, принимать в нем участие. Их укрепленное общежитие было во всяком случае одним из оборонных пунктов иудейской армии, хотя мы не можем утверждать с уверенностью, что сами отшельники составляли гарнизон, защищавший укрепление от римлян.

Неоднократно дебатировался вопрос о достоверности сообщения Иосифа Флавия о миролюбии ессеев и о возможности сочетать его с воинствующим иудаизмом кумранцев. Если признать, что Иосиф Флавий располагал полными сведениями об учении ессеев своего времени, то следует еще раз отметить, что задачи его сочинений исключали возможность показать римской и греческой публике, что восстание против римлян готовилось идейно в течение многих десятилетий и вытекало из религиозных убеждений не только "черни", но и одной из наиболее благочестивых "философских школ", как он называет течения внутри иудаизма. Из источников видно, что ессеи, по крайней мере в группировках Кумрана и Дамаска, проводили две линии поведения в отношениях с посторон-

ней и прямо враждебной средой, сдержанную, миролюбивую "теперь", "пока" и враждебную "потом". В настоящем нужно обеспечить условия спокойного существования среди инертного или враждебного окружения. Это возможно лишь при отсутствии предлогов для недоразумений, ведущих к столкновениям, в которые могли бы вмешаться правительственные или административные органы.

По-видимому, именно так раскрывается смысл и выражения *hasnē<sup>a</sup> lekhet*, скромного поведения, которое предписывается члену общины "при власти Велиала", "при всяческой хитрости" (IQS IV, 5; УШ, 2).

О скрытности в делах организации говорят как прямые высказывания текстов, так и строгая проверка и отбор вступающих в ее ряды. Когда Иосиф Флавий пишет о стойкости, с которой ессеи переносили пытку при допросах, то это явно свидетельствует об активности их антиримских настроений, т.к. трудно поверить, что истязания имели целью сбор сведений о религиозно-философских вопросах или правилах братского общежития ради удовлетворения академического интереса допрашивающих. Естественно также стремление группы хранить свое духовное оружие втайне и скрывать прямое участие в политических и, может быть, военных выступлениях.

Несмотря на замкнутость организации, своим писаниями она предназначала широкое распространение; об этом свидетельствуют разнообразие и многочисленность произведений, со многими копиями особо важных книг. Чтение было рассчитано не на узкий круг ученых, скорее на достаточно широкую массу народных грамотеев. Об этом свидетельствует обилие *scriptio plena*, облегчающее чтение и понимание грамматической формы. Кумранская проповедь оказала себя действенной и через ряд столетий, когда иудейское общество оказалось в сходных социальных условиях и снова пережило реформатское движение, приведшее к караимскому расколу. Как известно, партия свитков была обнаружена в тех же пещерах ок. 800 г. н.э. То же подтверждают камбриджские списки "Дамасского Документа".

Вопрос об отношении кумранской организации к возникновению христианства выходит за пределы данной работы. Можно отметить, что изучение материалов, вышедших из скриптория Хирбет-Кумран, может привести к выводу, что несмотря на внешнее сходство деталей организации обоих обществ, на общие явления терминологии

и общие обрядовые формы, вытекающие из общей основы иудаизма, — раннехристианская община и кумранская организация противоположны по духу и целям. Понятия искупления в христианском значении в Кумране, по-видимому, не существовало. Само слово *gō'āl* встречается один раз в Дамасском Документе в обычном значении, созданном юридическими нормами патриархального общества. Вся деятельность кумранцев направлена на "очищение Земли" с помощью существующего, раз навсегда данного закона. Израиль в очищенном и обновленном виде продолжает оставаться единственным народом-избранником. Расширение его рядов мыслится соединением в будущем разбросанных по свету колен (*1QSa I, I-2*) и с помощью естественного прироста процветающего потомства, воспитываемого в правилах общины. Несмотря на ограниченность своих рядов, кумранцы ощущали себя не церковью, не религиозным братством только, но народом (*'am*), должны в будущем воплотить собой могучую нацию с царским домом и беспорочным храмом во главе, с войском ополченцев, с советом старшин и народным собранием.

Несмотря на проблески более широких воззрений, сказавшихся на создании "Кн. Тайн", "Дамасского Документа" и некоторых других сочинений, идеология Кумрана остается идеологией воинствующего иудаизма, и потому опыт общины мог быть использован создателями христианского учения обратным порядком; отталкиваясь от него в своих исходных позициях. Опыт деятельности замкнутой общины, ограниченной узким кругом последователей, яснее и нагляднее всего доказывал необходимость создания доктрины, предполагающей выход за старые рамки этнических и религиозных отношений иудаизма, доведенных до логического завершения в общечеловеческой отшельничьей жизни Кумрана. Максимальное совершенство исполнения закона Моисея тем нагляднее показывало несостоятельность такой праведности и справедливости в отношении ко всему остальному человечеству. Отрицать универсальную связь Моисеева закона с построенным на его основе обществом было легче, именно имея перед глазами пример людей искренне и бескорыстно подчинившихся этому закону всю свою жизнь.

Сходство в организации жизни у ессеев, описанных Иосифом Флавием, Филоном и Плинием, кумранцев, терапевтов, эбонитов, иудеохристиан и христиан примитивной церкви показывает, что в иудейском обществе на грани н.э. окончательно назрела потреб-

ность изменения общественных отношений. Утвержденная существованием ряда централизованных монархий идея мирового господства порождала как антитезу идее всемирного братства на основе общей религии. Создание кумранской общины в эпоху эллинизации Палестины было одним из первых откликов на острейшие нужды современного общества.

Подписано к печати 5/УП-71 г. М=08098. Бумага 60х90 I/I6.

Печ. л. I I/2. Усл. печ. л. I.5. Уч. изд. л. I.47. Тираж 200 экз. Тип. заказ 430 Бесплатно

I-я тип. изд. "Наука", В-34, 9 линия, д. I2.